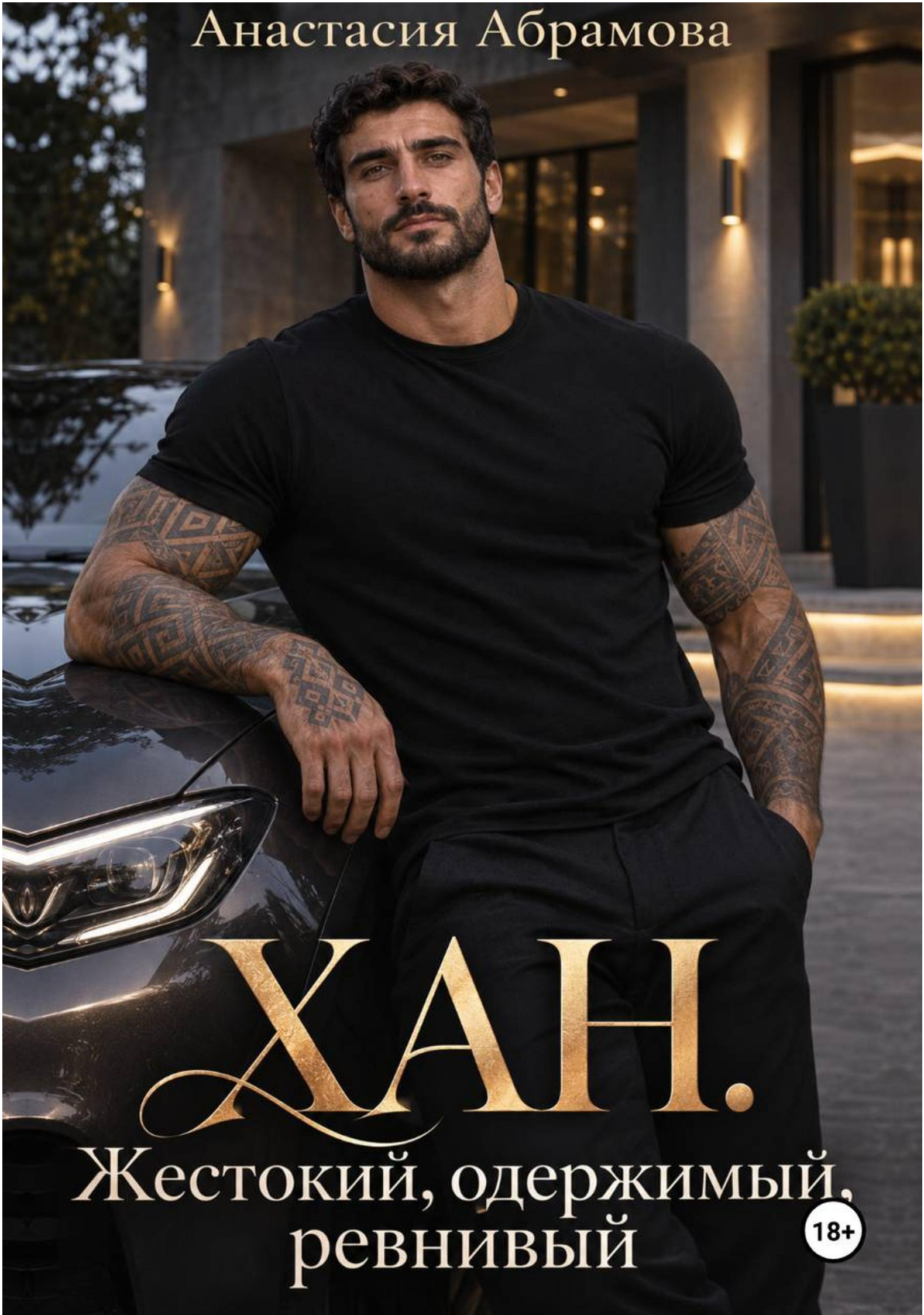
Анастасия Абрамова

ХАН.

Жестокий, одержимый, ревнивый

18+

Анастасия Абрамова

Хан. Жестокий, одержимый, ревнивый

«Автор»
2026

Абрамова А.

Хан. Жестокий, одержимый, ревнивый / А. Абрамова — «Автор», 2026

— Месяц. Ты живешь в моем доме и делаешь, что я скажу. Тогда брат свободен.Мой брат проиграл в карты триста тысяч. Я принесла Хану все, что у меня было: сорок три тысячи и гордость. Он порвал деньги у меня на глазах и назвал свою цену.Я думала, что продержусь тридцать дней рядом с самым жестоким человеком города. Я не знала, что он ненавидит меня за грехи моего отца. И что через неделю он сам уже не сможет меня отпустить.

© Абрамова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Аннотация 6
Глава 1 7
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Анастасия Абрамова
Хан. Жестокий, одержимый, ревнивый

Хан. Жестокий, одержимый, ревнивый
Анастасия Абрамова
18+

Аннотация

— Месяц. Ты живешь в моем доме и делаешь, что я скажу. Тогда брат свободен.

Мой брат проиграл в карты триста тысяч. Я принесла Хану все свои сбережения, сорок три тысячи. Он порвал деньги у меня на глазах и назвал свою цену. Я думала, что продержусь тридцать дней рядом с самым жестоким человеком города. Я не знала, что он ненавидит меня за грехи моего отца. И что через неделю он сам уже не сможет меня отпустить.

Глава 1

Телефон зазвонил, когда я домывала последний ряд кабинок в женской раздевалке. Было без двадцати два ночи. Фитнес-клуб закрывался в полночь, и с этого часа он принадлежал мне, ведру с хлоркой и старой швабре с расшатанной ручкой. Платили мне за это двенадцать тысяч в месяц. Вместе со стипендией хватало на общагу, еду и на то, чтобы Денис не ходил в рваных кроссовках.

На экране высветилось «Дениска». Я стянула перчатку и взяла телефон. Брат звонил мне ночью, когда терял ключи от комнаты в общежитии колледжа или влипал. Ключи он не терял с весны.

— Лер, ты только не ори, — начал он тонким, срывающимся голосом. Так говорил в детстве, когда разбил соседское окно и прибежал ко мне прятаться.

— Где ты?

— Я… в клубе. Ну, не в таком клубе. Там играют.

Я прислонила швабру к стене и перехватила телефон. Он скользил в потной ладони.

— Сколько?

Он молчал так долго, что я успела услышать мужской смех, звон стекла и чей-то низкий голос. Брату велели поторопиться.

— Триста, — выдохнул Денис. — Триста тысяч. Лер, мне сказали, что каждый час будет плюс десять процентов. Они меня не отпускают. Они сказали, пусть кто-нибудь привезет деньги, а если до утра никто не привезет…

Он не договорил. Трубку у него забрали.

— Слушай внимательно, — заговорил тот мужчина. Он произносил адрес медленно, давая запомнить. — Клуб «Восток», Промышленная, сорок. Вход со двора. Скажешь, что за Соколовым. Без полиции, иначе брата будешь искать по частям.

Я услышала короткие гудки и набрала Дениса снова. На этот раз он не ответил. В раздевалке пахло хлоркой. Я смотрела на недомытые шкафчики, держа телефон у уха. Триста тысяч. Таких денег у меня никогда не было. Даже если продать ноутбук, снять все со счета и занять у Светы, не наберется и трети.

Мама уехала четыре года назад. Сказала, что к подруге в Сочи на неделю, и больше не вернулась. Иногда она звонила на Новый год, плакала в трубку и говорила, что мы с Денисом у нее самые лучшие. Мне тогда было шестнадцать, Денису четырнадцать. Опеку оформила бабушка. Когда она умерла, мне уже исполнилось восемнадцать, и я забрала брата под свою ответственность. Тянула, как умела. Видимо, умела плохо.

Я переоделась за три минуты. Джинсы, старая куртка, волосы в хвост. Ключи от клуба отдала охраннику дяде Вите. Он посмотрел на меня поверх кроссворда и спросил, не случилось ли чего.

— Брат заболел, — соврала я.

Банкомат стоял на углу у круглосуточной аптеки. Я вставила карту и дождалась, пока загрузится остаток. На счету лежало сорок три тысячи двести рублей. Деньги на зимние сапоги для Дениса, на замену моего ноутбука, у которого отваливался экран, на летнюю практику на биостанции. Я копила их одиннадцать месяцев. Отказывала себе в кофе, в кино, в новой куртке. Эту носила третий год, и молния на ней расходилась внизу. Я сняла сорок три тысячи. На карте осталось двести рублей. О дороге домой подумаю, когда заберу Дениса.

В аптеку я зашла за бинтами. Еще когда услышала, как брат говорит, поняла, что его били. Пока провизор пробивала чек, заметила у кассы бумажные конверты для медицинских справок и попросила один. Убрала в него деньги, чтобы не рассыпать купюры дрожащими руками. Таксист, пожилой армянин с иконкой на приборной панели, услышав адрес, обернулся.

— Дочка, ты уверена? Это место нехорошее.

— Уверена.

— К кому едешь, если не секрет?

— За братом.

Он покачал головой и больше ничего не сказал. Всю дорогу по радио крутили старую эстраду, а я смотрела на темные корпуса заводов. Свете я даже не написала, куда еду. Утром решит, что задержалась на работе. Меня спохватятся только в университете, когда пропущу коллоквиум по генетике.

Промышленная, сорок, оказалась серым бетонным зданием без вывески. За оградой стояли дорогие черные машины. Я еще надеялась, что таксист ошибся, пока он не остановил у въезда и не кивнул на освещенное крыльцо.

— Денег не надо, — сказал он, когда я потянулась за кошельком. — За братом едешь, я понял. Запиши мой номер. Заберешь его, позвонишь, если машина понадобится.

— Спасибо. Только уезжайте, пожалуйста. Не ждите здесь.

Я сохранила номер. Таксист еще раз посмотрел на меня в зеркало, вздохнул и выключил счетчик. У двери стояли двое. Оба выше меня на две головы, оба в черном, у одного на шее татуировка в виде змеи. Тот, что со змеей, оглядел меня с ног до головы и усмехнулся.

— Заблудилась, малая?

— Я за Соколовым.

Усмешка исчезла. Второй что-то сказал в рацию, послушал ответ и молча открыл дверь. Внутри было тепло и накурено. Меня провели по коридору мимо зала с карточными столами и бара. Девушки в коротких платьях перестали разговаривать, разглядывая мои кеды и старую куртку. Я спрятала в карманы красные, растрескавшиеся от хлорки руки. Хотелось хотя бы спросить, далеко ли еще, но охранник шагал впереди, и я едва поспевала. Мы остановились у двери в конце коридора. Охранник постучал два раза и открыл.

Комната была небольшой. Кожаный диван, стол, на столе бутылка, стаканы, разбросанные карты. На диване сидел Денис. Бледный, с разбитой губой, он смотрел в пол и, увидев меня, дернулся, будто хотел встать, но человек за его спиной положил ему руку на плечо, и брат замер.

— Лера, — прошептал он. — Зачем ты сама? Я думал, ты кого-нибудь…

Кого? Кого я могла попросить? У меня не было никого, кроме него. Я отвернулась от брата. Надо было говорить с человеком за столом. Он откинулся в кресле и вертел в пальцах карту. Татуировки покрывали пальцы почти до ногтей, уходили под закатанные рукава черной рубашки. Я различила узоры и несколько букв, которых не смогла прочесть. На шее, чуть ниже уха, белел длинный тонкий шрам.

Ему было лет тридцать пять, может, чуть больше. Резкое лицо, темная щетина, короткие волосы. Пока он разглядывал карту, я успела заметить и красивый профиль, и крупные руки. А когда шевельнулся, тут же уставилась в стол, разозлившись на себя. Я приехала за братом.

— Это сестра? — спросил он у кого-то за моей спиной, так и не взглянув на меня.

— Сестра, Хан.

Хан. Я слышала это имя. Его в нашей общаге произносили шепотом, когда рассказывали истории про пропавших должников и сгоревшие клубы. Я всегда думала, что это городские страшилки. Я сделала шаг к столу и положила на него конверт.

— Здесь сорок три тысячи. Это все, что у меня есть. Остальное я отдам. Я работаю, я буду платить каждый месяц, я могу расписку написать, я…

Голос сорвался, и я замолчала. Он медленно отложил карту. Поднял голову. Конверт так и остался лежать между нами. Хан смотрел на меня, и я перестала слышать, что бормочет Денис за спиной.

Глава 2

Хану было скучно. Рустам привез отчеты по трем клубам, и все цифры сошлись до рубля. Последние месяцы даже проверка выручки занимала полчаса. Хан отложил бумаги, послал охранника за кофе, а когда тот вернулся, велел унести. Уже хотел ехать домой, когда в кабинете появился крупье с очередным должником.

Пацан появился в клубе около полуночи. Обычная история. Студентик решил, что ему везет, просадил свои десять тысяч, потом занял у Гоши-крупье, потом еще. Гоша свое дело знал и умел вовремя подлить и вовремя улыбнуться. К часу пацан был должен триста. Его и привели к Хану.

Можно было забрать у него телефон, часы, напугать и выкинуть за ограду. Триста тысяч для Хана были небольшой суммой. Но тогда завтра полгорода решит, что здесь можно проиграть, всплакнуть и уйти. Долг должен быть оплачен, и для этого пацана исключения не будет.

— Звони, кому хочешь, — сказал он пацану. — Пусть везут.

Пацан позвонил сестре. Хан ждал, что приедет какой-нибудь дядька, отчим или старший брат. Таких он видел десятками. Вошла девчонка. Худая, в куртке не по сезону, с волосами, собранными кое-как. На щеке пятно, то ли грязь, то ли синяк, при таком свете не разобрать. Руки красные, кожа на костяшках потрескалась. Она прошла мимо Касыма, которого боялись взрослые мужики, не оглянувшись. Посмотрела на брата так, будто это ей разбили лицо. И положила на стол конверт. Хан слушал, как она говорит про сорок три тысячи и про расписку, и смотрел на ее лицо.

Она боялась. Дрожащий подбородок, побелевшие от усилия пальцы. Но каждый раз, когда Касым двигался за спиной пацана, девчонка оборачивалась к дивану. Хан заметил, как она следит за рукой охранника на братском плече. Он мог велеть выставить ее за порог. А она торопливо договаривала про расписку, будто не допускала, что уйдет без брата. Ему стало интересно. Впервые за полгода.

— Сорок три, — повторил он и наконец взял конверт. Взвесил на ладони. — Долго копила?

— Год.

— На что?

Она моргнула. Видимо, не ожидала вопроса.

— На сапоги ему. На практику. Какая разница?

Он вскрыл конверт, достал деньги и разорвал верхнюю купюру пополам. Лера дернулась к столу. Хан удержал пачку, порвал еще несколько купюр, затем остальные. Бросил обрывки перед ней. Часть упала на ковер. Девчонка вздрогнула всем телом, как от удара. Пацан на диване вскочил, и Касым одним движением усадил его обратно.

— Ты что делаешь?! — вскрикнула она, потянувшись за обрывками. — Это же деньги! Мои деньги!

— Это мусор, — сказал Хан. — Твой брат должен триста. Через час будет должен триста тридцать. Через сутки ты будешь мне должна столько, сколько не заработаешь до пенсии. И что, ты будешь мне по пять тысяч в месяц переводить? Ты понимаешь, насколько это смешно?

Она молчала. Губы у нее побелели.

— Как тебя зовут? — Он отодвинул пустой конверт и посмотрел на нее.

— Лера.

— Сколько тебе лет, Лера?

— Двадцать.

— Учишься? — Хан дождался, пока она перестанет собирать купюры со стола.

— На биофаке. Третий курс.

— Работаешь где?

— Полы мою по ночам. В фитнес-клубе.

Он кивнул, поднялся и обошел стол. Она осталась на месте, хотя он видел, как ей хочется отступить. Хан остановился так близко, что почувствовал яблочный запах ее волос. Девчонке пришлось задрать подбородок, чтобы смотреть ему в лицо.

— Знаешь, что мне в тебе не нравится? — спросил он тихо.

— Мне все равно.

— Ты торгуешься. Ты пришла ко мне, в мой клуб, к моему столу, с конвертом, в котором денег меньше, чем стоит бутылка вот этого виски, — он кивнул на стол, — и торгуешься. Расписку предлагаешь. Рассрочку. Как будто мы в банке.

— А что мне делать? — вдруг крикнула она, и голос у нее сорвался. — Что мне делать, если у меня больше нет? Ну убейте меня тогда! Его отпустите, а меня убейте, раз так надо!

В комнате стало очень тихо. Касым у двери перестал жевать жвачку. Пацан на диване зажмурился. Он посмотрел на пацана, потом на его сестру. Она ждала ответа. Хан столько раз слышал, как должники обещают отдать за себя все на свете, что давно пропускал эти клятвы мимо ушей. А эта, похоже, согласилась бы остаться вместо брата.

— Убивать тебя я не буду, — сказал он. — Мертвая ты мне долг не отдашь.

— Тогда что?

Он задержал взгляд на ее упрямом лице. Отпустить такую злую, испуганную и ждать, что принесет деньги? Нет. Хану захотелось увидеть, как долго она будет спорить, если останется рядом.

— Месяц.

— Что месяц?

— Ты живешь в моем доме месяц. Тридцать дней. Делаешь, что я скажу. Потом долг будет закрыт. Твоего брата отпущу сегодня.

Она отступила и машинально поправила куртку на груди. Хан опустил глаза вслед за этим движением, и Лера покраснела.

— Я не… — Она сглотнула. — Я не такая.

— Я не спрашивал, какая ты, — сказал Хан. — Я назвал цену. Не нравится, забирай свой мусор с пола и уходи. Брат останется. Утром решим, что с ним делать.

— Лера, не надо! — Пацан снова дернулся. — Лер, не соглашайся, слышишь? Я сам, я что-нибудь придумаю…

— Заткнись! — бросила она брату и вновь повернулась к Хану. — Что значит «делаю, что скажете»?

— То и значит.

— Я учусь. У меня сессия в декабре. Мне нужно ездить на пары.

Он чуть не рассмеялся. Она стояла в его клубе, в двух шагах от человека, о котором в городе рассказывали страшные вещи, большая часть которых была правдой, и говорила про пары.

— Решим, — сказал он.

— И вы… вы ко мне не прикоснетесь. Без моего согласия.

Вот теперь он улыбнулся. Наклонился к ней так, что почти коснулся губами ее виска.

— Девочка, — сказал он ей на ухо, — когда я к тебе прикоснусь, ты сама меня об этом попросишь.

Она отшатнулась. Глаза у нее стали огромными и злыми. Хорошо. Злость ему нравилась больше, чем слезы.

— Я согласна, — сказала она сквозь зубы. — Отпустите его.

Хан кивнул Касыму. Тот поднял пацана с дивана за шкирку и вытолкал в коридор. Пацан что-то кричал, звал сестру, но дверь закрылась, и крики стихли.

— Завтра в восемь вечера за тобой приедут, — сказал Хан, возвращаясь за стол. — Где живешь?

— Общежитие номер три. Улица Студенческая.

— Фамилия?

— Соколова. Валерия Андреевна Соколова.

Он взял ручку, чтобы записать, и остановился. Соколова. Андреевна. Совпадение могло быть случайным. Соколовых в городе хватало. Но чем дольше Хан разглядывал девчонку, тем сильнее узнавал разрез глаз и упрямую складку между бровями. Когда она назвала отчество, он вспомнил Андрюху.

— Отца как звали? — спросил он, и сам услышал, как изменился его голос.

Она посмотрела на него с удивлением.

— Андрей. Андрей Соколов. Он погиб, когда мне было десять. А что?

Хан положил ручку на стол. Очень аккуратно, чтобы не сломать. Десять лет назад. Пятнадцатое октября. Дождь, мокрый асфальт, синие мигалки. Андрюха Соколов должен был ждать его за рулем на углу Заводской. Машины там не оказалось. Зато опера знали, где брать Хана.

Через неделю Андрюху нашли в машине на дне карьера. По городу поползли слухи о мести людей Хана. Сам Хан сидел в СИЗО и верил, что его продал человек, которому он доверял больше всех.

— Ничего, — сказал он. — Иди. Завтра в восемь.

Она опустилась на колени, собрала с пола обрывки денег и сунула в карман куртки. Хан наблюдал, как она подбирает даже самые маленькие клочки. Лера ушла, ни разу не обернувшись. Хан долго сидел один в пустой комнате. Потом налил себе виски, выпил залпом и понял, что скучно ему больше не будет.

Глава 3

В восемь вечера у общежития остановился черный внедорожник, и вся наша общага прилипла к окнам. Я собиралась весь день. Вернее, делала вид, что собираюсь. Сложила в рюкзак две пары джинсов, свитера, белье, зубную щетку, учебник по генетике и конспекты. Потом все вытряхнула на кровать и сложила заново. Потом села на пол и полчаса смотрела в стену. Моя соседка Света вернулась с пар около шести и застала меня за этим занятием.

— Ты куда-то едешь?

— К тетке. В область. На месяц.

— У тебя же нет тетки.

— Теперь есть.

Света поглядела на рюкзак и перестала расспрашивать. Мы жили вместе третий год, она замечала, когда я готова сорваться. Перед уходом сунула мне свой пауэрбанк.

— Если что, звони. В любое время.

Денис звонил мне утром раз двадцать. Я взяла трубку один раз и сказала, что, если он еще раз подойдет к картам, я его своими руками закопаю. Он плакал. Говорил, что поедет к Хану сам, что это он должен, а не я. Я сказала, что он уже съездил, и отключила телефон.

Я не злилась на него. Вернее, злилась, но не так, как надо было. Он был мой младший брат, и я помнила, как он, восьмилетний, держал меня за руку на кладбище, когда хоронили папу, и спрашивал, когда папа вернется из этой ямы.

Водитель вышел и пригласил меня на заднее сиденье. Тот самый, со змеей на шее. При свете фонаря я разглядела его лучше. Молодой, со смешными оттопыренными ушами.

— Касым, — представился он. — Садись, Валерия. Дорога неблизкая.

Ехали мы долго. Сначала через весь город, потом по трассе, потом свернули на узкую дорогу через сосновый лес. Я смотрела в окно и запоминала повороты, как будто это могло мне чем-то помочь. Касым молчал. Только один раз спросил, не дует ли мне.

Дом стоял на холме, за высоким забором. Машину впустили, даже не останавливая у въезда. Во дворе горели фонари, вдоль дорожки росли туи. Две огромные черные овчарки поднялись с крыльца, когда я вышла. Я прижала рюкзак к груди и поглядела на Касыма.

— Не бойся, — сказал Касым. — Без команды не тронут.

— А с командой?

Он хмыкнул и не ответил. Дом был большим, двухэтажным, из темного камня и стекла. Внутри пахло деревом и кофе. Высокие потолки, огромные окна, за которыми чернел лес, камин в гостиной. Я замялась на ковре в своих кедах. Здесь даже вещи лежали так аккуратно, будто в доме ждали покупателей.

— Ваша комната на втором этаже, — сказала женщина, которая вышла мне навстречу. Невысокая, полная, лет шестидесяти, в фартуке. — Я Галина Петровна, веду хозяйство. Ужин в девять. Тимур Альбертович вас ждет после ужина в кабинете.

Тимур Альбертович. У Хана было имя. Почему-то это меня поразило больше, чем дом и собаки. В моей комнате поместились бы две наших со Светой. Огромная кровать, шкаф во всю стену, своя ванная с душевой кабиной. На подоконнике стояла ваза с белыми розами. Я подошла к окну. Внизу темнел двор, за оградой начинался лес. Попробовала ручку, убедилась, что окно открывается, и закрыла его. Со второго этажа я разве что ноги переломаю. На ужин я не пошла. Сидела на краю кровати, не сняв куртку, и ждала. В половине десятого в дверь постучали.

— Тимур Альбертович просит вас спуститься, — передала Галина Петровна. — Деточка, ты бы поела хоть немного. Я там котлеты оставила.

Кабинет был на первом этаже, в конце коридора. Хан сидел за столом и что-то писал. Когда я вошла, он не поднял головы, и я минуты две стояла у двери, как школьница перед директором.

— Садись, — сказал он наконец.

— Постою.

Он поднял голову. Сегодня на нем была серая футболка, и я впервые увидела его руки целиком. Татуировки покрывали их от запястий до плеч, сплошным черным узором, в котором угадывались какие-то лица, крылья, цифры. На левом предплечье, ближе к локтю, был набит волк с оскаленной пастью.

— Правила, — сказал он, не повторяя предложения сесть. — Их три. Запомни. За ограду без моего разрешения не выходишь. Мне не врешь. Никогда, ни в чем. И не плачешь при мне.

— Почему?

— Потому что я так сказал.

— А если мне захочется плакать?

— Иди плачь в свою комнату. В подушку. Мне все равно. Но не при мне.

Я сжала кулаки. Весь день боялась этой встречи, представляла, что он скажет, а теперь хотелось опрокинуть его аккуратный стол. Он еще будет указывать, где мне плакать!

— Вы меня привезли как вещь, — сказала я. — Как собаку. Правила, команды. Может, мне еще ошейник надеть?

— Если захочешь, надену.

— Вы мерзкий.

— Я знаю.

— Я вас ненавижу.

— Это пройдет, — сказал он спокойно и снова взялся за ручку. — Иди ужинать. Галина Петровна обидится, если ты не съешь ее котлеты.

— Поем, — процедила я и вышла. Но прошла мимо столовой, через гостиную и холл, на крыльцо. Холодный воздух обжег лицо. Собаки подняли головы. Я пошла к выходу со двора, сама не понимая, чего добиваюсь. Мне нужно было убедиться, что я еще могу уйти. Хотя бы дойти до дороги.

До калитки я добралась, не оглядываясь. Собаки остались на крыльце. Я толкнула створку, шагнула за ограду и только тогда услышала за спиной быстрые шаги.

Хан догнал меня за калиткой и развернул к себе. Я попыталась вырваться, ударилась о его грудь. Он перехватил меня за горло и прижал спиной к каменному столбу. Я вцепилась в его запястье. Пальцы не сдавливали шею, но двинуться я боялась.

— Первое правило, — проговорил он мне в лицо. — Тебя даже на пять минут не хватило.

— Отпустите.

— И второе. Поужинать собиралась? — Он покосился на открытую калитку. — Или мне послышалось?

— Отпустите!

Я пыталась убрать его руку и ненавидела себя за слезы. Он увидит, как я реву. Будет смотреть сверху, ждать, пока попрошу, а потом еще и посмеется. Я вытерла щеку плечом, но слезы потекли снова.

— Третье, — сказал он. — Все три за один вечер. Ты рекордсменка, Лера.

И тогда я его ударила. Наотмашь, по щеке. Звук получился громким, хлестким, как выстрел. Собаки вскочили, я испугалась еще сильнее, но руку не опустила. Его голова дернулась от удара. Хан медленно повернулся ко мне, разжал пальцы и отступил. На щеке проступало красное пятно. Я ждала, что он меня ударит в ответ. Я была уверена, что ударит. Я зажмурилась. Ничего не случилось.

Открыв глаза, я увидела, что он трогает пальцами щеку. Посмотрел на мою поднятую руку, и я спрятала ее за спину. Чего он ждет? Лучше бы накричал. От этого молчания начинало трясти.

— Иди в дом, — сказал он. — Замерзнешь.

— Я не хочу в ваш дом. Я хочу домой.

— У тебя нет дома, Лера. У тебя есть койка в общаге и брат-идиот, который проиграл тебя в карты.

— Он меня не проигрывал!

— Нет? — Он наклонил голову. — А кто тогда здесь стоит? Я тебя не звал. Ты пришла сама.

Он подтолкнул меня обратно во двор, захлопнул калитку и пошел к дому. Собакам бросил короткую команду, и те легли. Я осталась у ограды, зная, что теперь меня не выпустят даже до дороги. Я простояла там, пока не перестала чувствовать пальцы. Потом вытерла лицо рукавом и пошла в дом.

Котлеты Галины Петровны остыли. Я съела две, прислонившись к плите. Только тут вспомнила, что со вчерашнего дня ничего не ела, кроме бутерброда в общаге.

Глава 4

Рустам приехал около полуночи, когда в доме уже погасили свет. Хан сидел в кабинете с бутылкой и не включал лампу. Хватало фонарей со двора.

— Это она тебя? — Рустам кивнул на его щеку и даже не попытался спрятать усмешку.

— Налей.

Рустам налил себе и ему, сел в кресло напротив и положил на стол тонкую папку.

— Я ее пробил. Соколова Валерия Андреевна, двадцать лет, биофак, именная стипендия, отличница. Мать в Сочи, живет с каким-то торговцем фруктами, детьми не интересуется. Брат в колледже, балбес. Отец…

— Я знаю, кто ее отец.

Рустам помолчал. Он пришел к Хану позже, уже после колонии, но историю ту знал. Ее в городе знали все.

— Тимур. Ей было десять лет.

— Ему было тридцать восемь. И он прекрасно понимал, что делает.

Хан выпил и отодвинул стакан. Вспомнилась кухня в хрущевке на окраине, клеенка в мелкий цветочек. Андрюха разливает чай и ругается, что Тимур опять не ел с утра. Хану тогда было двадцать четыре. Соколов учил его водить, учил не лезть на рожон, держать слово. Был ему вместо старшего брата. А девчонка с косичками выглядывала из коридора и пялилась на его новую татуировку, еще под пленкой. Он тогда подмигнул ей, и она спряталась. Вот, значит, где он видел это лицо.

Через месяц его взяли на Заводской, и Корнеев назвал Андрюху предателем. Шесть лет Хан провел в колонии. Шрам под ухом остался на память о заточке. Когда он вышел, Виктор Корнеев дал денег на первый клуб. Хан знал, что во время его срока старик распоряжался их общим делом, и тогда был благодарен хотя бы за это. Хотелось начать заново.

— И что ты с ней будешь делать? — спросил Рустам.

— Пусть живет.

— И все? — Рустам даже не притронулся к своему стакану.

— Пусть видит, во что превратился человек, которого ее отец продал. Пусть поживет рядом. А там посмотрим.

Рустам допил и поднялся.

— Ты сам-то знаешь, чего хочешь?

Хан не ответил. Он не знал. Когда Рустам уехал, Хан взял из холодильника кусок мяса и вышел во двор. Мороз щипал лицо. Собаки у крыльца подняли головы и снова опустили, узнав хозяина.

Найда ждала его у сетки вольера. Старая рыжая овчарка, которую он подобрал на трассе три года назад, сбитую, с перебитой лапой. Тогда он сам не знал, зачем остановил машину. Ветеринар сказал, что проще усыпить. Хан заплатил ему втрое и сказал, что усыпит его самого, если собака умрет. Собака выжила. С тех пор она не подпускала к себе никого, кроме него. Охранники обходили вольер стороной. Он присел на корточки и протянул мясо сквозь сетку. Найда взяла осторожно, одними губами.

— Дочка Андрюхи у нас живет, — сказал он ей. — Слышишь? Привез. Сам не знаю зачем.

Найда жевала и смотрела на него желтыми глазами. Возвращаясь к крыльцу, он поднял голову. На втором этаже светилось ее окно. Лера сидела на подоконнике с раскрытой книгой. Он видел, как она перевернула страницу и наклонилась к ней. После всего, что было во дворе, девчонка умудрилась взяться за учебу. Хан остановился. Подождал, сам не зная чего. Она так и не подняла головы.

Утром он спустился к завтраку раньше обычного. Сказал себе, что из-за дел, хотя дела начинались в одиннадцать. Лера пришла в половине восьмого — в растянутом сером свитере, с мокрыми после душа волосами, с рюкзаком на плече. Увидела его за столом и замерла на пороге.

— Садись, — сказал он.

Села. На самый край стула, подальше от него.

— Мне к девяти на пары, — сказала она, глядя в тарелку. — Сегодня лабораторная, если пропущу, не допустят к зачету.

— Касым отвезет и подождет.

Она подняла глаза, явно ожидая спора, потом придвинула тарелку и принялась за завтрак. Хан заметил, как она поглядывает на часы. Даже здесь боялась опоздать на свою лабораторную.

Вечером Хан вернулся раньше, чем собирался, и еще в холле услышал смех. Смеялись на кухне. Он прошел по коридору и остановился у двери. Лера сидела на широком подоконнике. Галина Петровна раскатывала тесто. Касым примерил ее фартук с подсолнухами и рассказывал что-то, размахивая половником. Хан еще из холла слышал, как тетя Галя велит ему отойти от плиты. С ним самим она разговаривала так же с детства.

— А я ему и говорю, мол, дядя, корова не моя, я вообще городской!

Лера хохотала, откинув голову. Хан впервые увидел, как она смеется. Без страха, без злости, по-настоящему, с ямочками на щеках, о которых он не подозревал.

— Касым, ну правда, — сказала она сквозь смех, — с такими ушами тебя бы любая корова за своего приняла.

Касым покраснел до этих самых ушей и тоже засмеялся. Хан задержался в коридоре. Касым перегнулся к Лере, что-то добавил, и она засмеялась снова. За столом с ним она даже головы лишний раз не поднимала. А здесь, с водителем, веселилась на весь дом. Он вошел, и Касым оборвал рассказ. Галина Петровна опустила глаза на тесто. Водитель торопливо стянул фартук.

— Завтра едешь на северный склад, — сказал ему Хан. — На месяц. Принимаешь там охрану.

— Хан, а девушку кто возит?

— Федор.

Касым открыл рот, посмотрел на хозяина и закрыл. Кивнул и вышел. Лера соскочила с подоконника.

— За что вы его?

— Он работает. А не зубы скалит.

— Он ничего плохого не сделал!

— Вот и хорошо. Значит, и дальше не сделает. На северном складе.

Лера сжала край подоконника. Хан узнал это выражение лица, уже получал от нее пощечину. Все равно остался на кухне.

— Ужин в девять, — сказал он. — Подаешь ты.

— В смысле — подаю?

— Будешь помогать за столом. У меня Рустам. Принесешь ужин, уберешь посуду. Галина Петровна покажет, где что.

Он ждал, что она взорвется. Скажет, что не нанималась в прислуги. Тогда у него был бы повод напомнить ей, зачем она здесь.

— Хорошо, — сказала Лера.

К ужину она вышла с подносом. Хан нарочно потребовал переменить приборы, затем попросил другой хлеб, потом сказал, что суп остыл. Лера унесла тарелку и вернулась с горячей. Ставила посуду аккуратно, смотрела на него в упор. Рустам пару раз открыл рот, собираясь

вмешаться, и к концу ужина перестал есть. Хан видел, что издевка не удалась, и все равно продолжал. Когда Лера поднесла десерт, Хан наклонился к ней и заговорил вполголоса.

— Отец твой тоже хорошо прислуживал. Только не тем.

Тарелка замерла в воздухе на полсекунды. Потом опустилась на стол.

— Я не знаю, о чем вы, — сказала Лера тихо. — Но про моего отца вы больше так не говорите. Никогда.

— А то что?

— А то я вам этот десерт на голову надену. И пусть ваши собаки меня потом жрут.

Рустам поперхнулся вином. Хан взглянул на тарелку. Она ведь и наденет. Лера взяла себе пирог и села через стул от него. Отломила вилкой большой кусок, а когда Рустам подвинул ей чай, поблагодарила. Телефон она положила рядом с тарелкой. Экран вспыхнул. Хан сидел достаточно близко, чтобы прочитать. Сообщение от Марка. «Лер, ты куда пропала? Конспекты по генетике скину завтра. Без тебя на лабах скучно». И сердечко. Красное. Хан медленно поставил бокал на стол.

— Кто такой Марк?

Глава 5

— Одногруппник, — сказала я и накрыла телефон ладонью.

Хан обошел стол и вытянул телефон у меня из-под пальцев. Я задела чашку, пытаясь его удержать. Чай разлился по скатерти.

— Отдайте!

Он поднял руку выше. Я вскочила, попыталась дотянуться, и это было глупо и унизительно — прыгать вокруг него, как собачка вокруг хозяина с колбасой. Рустам деликатно отвернулся к окну.

— Пароль, — сказал Хан.

— Не скажу.

— Второе правило.

— Я не вру! Я не обязана вам все рассказывать!

Он посмотрел на меня сверху вниз, потом развернул телефон экраном ко мне и ткнул в него моим же пальцем. Разблокировка по отпечатку. Я об этом даже не подумала.

Он листал переписку минуты три. Я пыталась заглянуть через его плечо, видела знакомые сообщения. Света искала запасной ключ, староста прислала расписание. Денис восемнадцать раз написал «прости». И Марк. Мы делили парту на лабах второй год, часто переписывались. Однажды проводил меня до общаги и пытался поцеловать, но я отвернулась. С тех пор об этом не вспоминал. Зачем Хану читать наши разговоры, кроме как унизить меня, я не понимала. Хан дочитал и вернул мне телефон.

— Если он тебе больше, чем одногруппник, я узнаю.

— А вам-то что?

Он задержался, держа руку на спинке моего стула. Я ждала очередной угрозы. Хан посмотрел на залитую скатерть, отпустил стул и вышел. Рустам допил вино одним глотком и последовал за ним.

Федор оказался пожилым, грузным, с седыми усами. За неделю я услышала от него приветствие, «приехали», «жду здесь» и сердитое «аккуратнее», когда споткнулась у корпуса. Он ждал меня в машине, читал газету. Каждый раз, когда я выходила, откладывал ее, пока не сяду. В группе, конечно, заметили. Черный внедорожник у биофака — событие, которое обсуждают неделю.

— Лерка, ты что, замуж вышла? — спросила староста Олька, глядя на меня с подозрением и восторгом.

— Устроилась на работу. Это служебная машина.

— А кем?

— Сиделкой, — сказала я. — У одного очень больного человека.

Марк принес распечатанные конспекты. На первой странице нарисовал рожицу, подписал «не грусти». Я чуть не заплакала посреди лекции. Поблагодарила, убрала листок поглубже в рюкзак. Хану наверняка не понравится и этот рисунок. Из фитнес-клуба я уволилась по телефону в первый же день. Дядя Витя вздохнул и сказал, что швабру мою никому не отдаст.

Утром пары, потом дом на холме. Хан уезжал рано, возвращался поздно. Я старалась не попадаться ему в коридоре. Однажды он сам зашел на кухню, где я сидела с конспектами.

— Как пары? — Он задержался за моим стулом, заглянул в тетрадь.

— Нормально.

— Что сдавала? — Хан отодвинул край конспекта, заслонивший учебник.

— Коллоквиум.

— Сдала?

— Пять, — бросила я и придвинула тетрадь обратно.

Он кивнул и ушел. На следующий вечер спросил, что за книгу я читаю, потом выяснял, почему вернулась позже обычного. Отвечала я коротко. А когда он проходил мимо, даже не заглянув, зачем-то прислушивалась к шагам.

На кухне я занималась охотнее, чем наверху. Галина Петровна гремела кастрюлями, рассказывала о внуках. Здесь можно было забыть хотя бы ненадолго, почему я живу в этом доме. Еще на третий день я заметила собаку за кухонным окном. Старая рыжая овчарка лежала в вольере за домом, положив морду на лапы. Прежде я видела только двух черных, которых выпускали во двор.

— Это Найда, — сказала Галина Петровна, проследив за моим взглядом. — Ты к ней не подходи, деточка. Она злая. Троих охранников покусала, одного до больницы. Ее только Тимур Альбертович кормит.

— А почему она злая?

— Кто ж ее знает. Он ее подобрал на трассе, говорят. Сбитую. Выходил. Она с тех пор никого, кроме него, не признает.

В тот же вечер, когда стемнело, я взяла из холодильника кусок вареной говядины и пошла к вольеру. В школе я два года помогала в приюте для животных. Поначалу ходила туда из-за бесплатных обедов, потом привыкла к собакам и к людям. Там я насмотрелась, как рычат те, кого загнали в угол. Поэтому остановилась поодаль от вольера, дождалась, пока Найда перестанет бросаться на сетку, и села боком на ступеньку.

Мясо положила в миску у кормушки и отодвинулась. Найда лежала в дальнем углу, настороженно следя за мной. Стоило пошевелиться, поднимала голову. Я просидела так, пока не замерзли ноги, а она ни разу не подошла. Уже в доме я оглянулась из кухонного окна. Миска была пустой.

В следующие вечера я приносила еду и оставалась у вольера, каждый раз немного дольше. Найда перестала рычать, потом решилась поесть при мне. Я сидела на ступеньке и разговаривала с ней, чтобы не тянуться погладить раньше времени.

Рассказала ей про Дениса, про коллоквиум, про Марка с его рожицами. Однажды Найда съела мясо и вместо того, чтобы уйти, осталась у сетки. Я протянула ладонь. Она обнюхала пальцы, а потом ткнулась в них холодным носом. Я обернулась к дому и замерла.

У окна второго этажа виднелся Хан. Я узнала его в слабом свете из коридора. Он наблюдал за нами, и мне вдруг захотелось отнять руку от сетки, будто застал за чем-то запретным. Пока я думала, что сказать, он отошел.

На следующий вечер Галина Петровна дала мне миску с нарезанным мясом. Сказала, что Тимур Альбертович велел оставить для Найды. Я взяла ее и пошла во двор, поглядывая на его окно.

К концу недели я уже могла сидеть с ним за одним столом и спокойно есть. Поймала себя на этом и отложила вилку. Как быстро оказалось достаточно горячего ужина, миски для Найды и нескольких вопросов об учебе. Еще недавно я просила его отпустить меня домой.

В ту ночь я не могла уснуть. Наутро была контрольная по биохимии, и я путалась в формулах. Около двух отложила конспекты и пошла на кухню за водой. В доме было темно. Только из-под двери, которая вела в подвал, пробивалась полоска света и доносились глухие ритмичные удары. Будто кто-то колотил по мешку с песком. Я задержалась у лестницы. Удары стихли, послышалось тяжелое дыхание. Потом Хан выругался, и я все-таки спустилась, держась за стену. Подвал оказался спортзалом. Тренажеры, зеркала, маты на полу. В углу на цепи висела тяжелая черная груша, и Хан бил ее.

Он был без футболки. Я замерла на ступеньке. Огромная татуировка покрывала спину от шеи до поясницы. Волк, темные деревья, луна. Через рисунок тянулся неровный шрам, под ребрами белел еще один, круглый. Я слишком долго его рассматривала и отвела глаза, только когда Хан повернулся вполоборота.

Хан снова ударил грушу. Повернулся, отступил, ударил еще. Я следила за движением плеч и уже жалела, что пришла. Уйти тихо по этой лестнице все равно не получится. Хан перехватил качнувшуюся грушу, придержал обеими руками. Я отступила на ступеньку, и под ногой скрипнуло. Он чуть повернул голову.

— Нравится?

Я вылетела из подвала так, будто за мной гнались. Взбежала по лестнице, захлопнула дверь своей комнаты и прислонилась к ней спиной. До утра я так и не уснула. За контрольную получила четверку. На обратном пути уставилась в окно машины. Вместо формул вспоминала его голую спину и гадала, откуда взялся круглый шрам под ребрами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.